

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 6-го Января 1908 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ № 9278.

Комедия изъ жизни.

Переводъ съ нѣмецкаго

Адальбертъ + Оссовскій, первый герой и любимецъ городского театра, бросилъ сердито свою роль въ уголъ.

— Ужасная нелѣпость! сопровождалъ онъ восхищаніемъ свой смѣлый поступокъ. Ему, Оссовскому, могли предложить такую болтовню безъ всякаго дѣйствія, безъ всякаго содержанія? О, эти современные писатели! Но, въ самомъ дѣлѣ! Гдѣ взять имъ материала? Не изъ жизни же, которая такъ блѣдна, такъ трезва, безъ нервовъ?

Красивый Адальбертъ, какъ называла его женская городская молодежь, былъ превранъ въ свое мѣсто жестокомъ сужденію современныхъ писателяхъ.

— Что тамъ опять?

Эти слова вырвались у него съ большимъ негодованіемъ и мчались, какъ метательные орудія къ прикрытой чепцомъ головѣ его хозяйки, женщины солидныхъ размѣровъ, которая, послѣ непродолжительного стука въ дверь, вошла, какъ живая проза, въ комнату, гдѣ вѣяло поэтическими воспоминаніями.

Вѣнки, большие, золоченые, съ яркими лентами, на которыхъ красовались золотыя надписи, обратили эту скромную земную обитель въ триумфальную арку безсмертнаго генія. Великолѣпная вещь, лавровый позолоченный вѣнокъ могъ бы украшать лобъ Цезаря. Дважды въ мѣсяцъ былъ онъ ему возвращаемъ владѣльцемъ ломбарда, и дважды принималъ онъ его обратно. Это случалось обыкновенно, когда онъ долженъ былъ уплатить за квартиру, и когда онъ получалъ жалованье. Теперь онъ былъ здѣсь. Это было время, когда Адальбертъ чувствовалъ себя увѣнчаннымъ. И горе тому, кто смѣлъ тогда приближаться къ нему непочтительно.

— Господинъ Адальбертъ, два господина, протянула г-жа Болле, глядя раболѣпно на „золотого“. На нихъ синія шапки.

Адальбертъ сорвалъ съ большимъ присутствіемъ духа трофеи со стѣны и сунулъ его подъ передникъ госпожи Болле. „Студенты“, — прибавила она, поясня.

Георгъ Гауптманъ.

Одно движение, и золотой блестѣлъ опять въ сіяніи полуденного солнца.

— Что, сыны *alma mater*?

— Адамъ его Алма? спросила она наивно.

— Женщина!

Его глаза скрестились, его руки метали молніи, нѣть—наоборотъ. Въ этой позѣ представлялъ онъ Отелло и Карла Моора, Шиллера. Госпожа Болле дрожала—слишкомъ слабое выраженіе!—Она качалась.

Онъ простеръ повелительно руку.

— Они могутъ зайти!

И тихо исчезла она походкой, напоминающей походку слона.

Онъ поднялъ свою роль. Подъ „золотымъ“ стояло лютеранско кресло. Онъ опустился на послѣднее въ позѣ Бетховена и устремилъ въ тихомъ раздумѣ свой взоръ на листы. Такъ нашли его вошедшіе робкіе сколасты. Онъ далъ имъ

достаточно времени любоваться имъ. Адальбертъ любилъ обожаніе академической молодежи. Это былъ столпъ его мѣстной славы.

Они кашлянули въ замѣшательствѣ.

Онъ вздохнулъ, какъ бы пробуждаясь отъ глубокихъ думъ. Опять полетѣла въ уголь презрѣнная рукопись. Съ протянутыми руками и сіающей счастливой улыбкой приблизился онъ къ нимъ.

— А, два добрыхъ академическихъ гражданина! Чѣмъ, господа, обязанъ я чести вашего посѣщенія? Одновременное пожиманіе рукъ направо и налево.

Ободренные, они назывались: Генрихъ Рауталеръ и Фрицъ Марковордъ.

„Маркъ“ и „Талеръ“ пріятно звучали въ ушахъ великаго актера. Онъ ласково поблагодарилъ ихъ и попросилъ сѣсть. Его плѣнительное краснорѣчіе выручило ихъ отъ первыхъ паузъ замѣшательства. Затѣмъ Фрицъ, справившись со своей робостью, объяснился:

— Наше посѣщеніе, господинъ Оссовскій, имѣетъ двоякую цѣль. Во-первыхъ, чествованіе вашего великаго, несравненнаго таланта, затѣмъ оно включаетъ въ себѣ просьбу, которую скрѣпѣть пойметъ и исполнить человѣкъ, чѣмъ артистъ. Не

успѣли вы пріѣхать сюда, какъ покорили себѣ всѣ сердца. Намъ, скромнымъ сыновьямъ *almae matris*, достаточно было двухъ, которыя бились для насъ. Они были наши. Но вотъ, являетесь вы, и сердца нашихъ дѣвушекъ покорены вами. Студентъ безъ красотки только полу-студентъ. Сколько мы ни попивали, чтобы утопить свое горе, но въ каждомъ бокалѣ веселья падала капля скорби, отравляя нашу жизнь. Наша просьба состоитъ въ слѣдующемъ: отдайте намъ обратно эти миленькия, чистыя сердечки, которыя вы похитили. Вамъ ихъ останется довольно, а, быть можетъ, вы даже не знаете объ ихъ существованіи, потому что вы получаете, вѣроятно, въ такомъ громадномъ количествѣ *billets doux*, пахнущіе розами и фіалками, что вамъ, великому артисту, ихъ лѣнъ даже читать.

— Да, конечно,—подтвердилъ Адальбертъ, польщенный,—но я никакъ не могу

Воскресенье, 6-го Января 1908 года.

догадаться, о комъ вы говорите, и какъ помочь, чтобы вы получили обратно свою собственность.

— Тогда по секрету—Минхенъ Штейнеръ и Линхенъ Грицмакеръ, воспитанники высшаго женскаго пансиона „Газе нау“. Съ тѣхъ поръ, что вы для нихъ все, мы для нихъ воздыхаемъ.

Адальбертъ провелъ эффектно и гордо рукой по чернѣмъ густымъ волосамъ. Зеркало отразило его смѣлый профиль и жгучіе черные глаза. Да, онъ былъ орель, который мчится къ небу, къ которому обращаютъ взоры. А эти оба, больные любовью, студенты? Да, тоже хороши, но въ сравненіи съ нимъ—синицы.

Затѣмъ онъ скажетъ назидательно: „господа, мнѣ очень жаль. Во первыхъ, я вашихъ дамъ совсѣмъ не знаю, и къ тому же окончательно не знаю, что мнѣ дѣлать, чтобы возвратить ихъ вамъ“.

— Вы ихъ очаровали, разочаруйте ихъ, продолжалъ Фрицъ. Остальное предоставьте намъ. Вы можете это.

— Могу! воскликнулъ Адальбертъ въ отчаяній. Прикажете испортить свои роли, представляться пьянымъ, рисковать карьерой? Я не могу этого при всей моей любви къ академической молодежи, которая не разъ способствовала прославленію великихъ людей.

Онъ отчаянно провелъ рукой по своимъ густымъ волосамъ.

Кроткій Генрихъ кашлянулъ въ замѣшательствѣ и сказалъ:—Горе собственно въ томъ, что онъ ничего не желаютъ въ этой жизни, кроме покона отъ вашихъ волосъ.

— Такъ, что же прикажете сдѣлать, побритъ себѣ голову, какъ жители Тимбукуту, что разочаровать ихъ?

На это отчаянное восклицаніе послѣдовало молчаніе.

Но Адальбертъ вдругъ вскочилъ, какъ ужаленный, оба юноши послѣдовали а tempo.

— Опишите мнѣ наружность вашихъ дамъ!

Оба моментально вытащили двѣ фотографическія карточки, на обратной сторонѣ которыхъ было написано: „вѣчно твоя!“ Здѣсь Минхенъ, тамъ Линхенъ.

— Слабость имя тебѣ, женщина, цитировалъ онъ въ позѣ Отелло.

Онъ возвратилъ карточки.

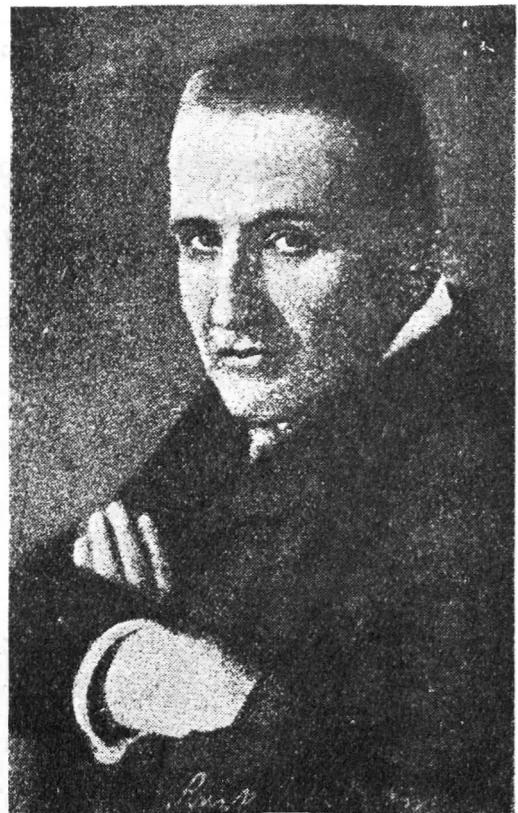
— Да, господа, скажетъ онъ весело, хитро подмигивая глазами.—Я въ городскомъ паркѣ часто встрѣчалъ вашихъ дамъ на своихъ уединенныхъ прогулкахъ. Я принималъ это за случайные встречи. Вы помните, вѣроятно, слова поэта: замѣчаешь намѣреніе, и находишь на тѣя уныніе. Не позже, какъ черезъ недѣлю вы увидите, какъ возвратятся заблудшія овечки къ своимъ пастухамъ.

— Но какъ,—началь Фрицъ.

— Это мой секретъ.

Обмѣнявшись нѣкоторыми любезностями, оба студента удалились.

Въ графскомъ паркѣ таинственно шумѣло. По уединенной тропинкѣ, окутанной сумрачными тѣнями густолиственнаго лѣса, расхаживалъ великий артистъ,

Fr. Vedennind.

А. Каменский.
Бор. Лазаревский.
М. Ацыбашевъ
Л. Андрусовъ.
Галлерей молодыхъ писателей

разучивая свою роль. Рука обѣ руки, тѣко прижавшись другъ къ дружкѣ, съ бьющимися сердечками шли ему навстрѣчу Линхенъ и Минхенъ.

О, въ какомъ красномъ безуміи врашивались его глаза! Только одинъ взглянь!

Близко около нихъ, какъ бы нечаянно, уронилъ онъ свою роль. Какъ ястрѣбы набросились онѣ, чтобы поднять ее, и подали ему. Онъ принялъ и съ счастливой улыбкой снялъ, кланяясь, свою шляпу.

Дѣвушки отскочили съ тихимъ крикомъ. Онъ посмотрѣлъ на шляпу, проговоривъ что-то и быстро удалился.

— Минхенъ!

— Линхенъ!

— Они упали другъ другу въ объятія и смыкались съ горя и радости.

Чрезъ нѣсколько дней явились студенты къ великому артисту, на этотъ разъ

по его приглашенію. Они нашли его въ шляпѣ.

— Ну?—спросилъ онъ выжидательно.

— Онѣ опять наши!—радовался Фрицъ.

А кроткій Генрихъ прибавилъ:

— Великий, божественный мимики!

Адальбертъ, польщеній, улыбнулся.

— Но великий мастеръ,—любопытно допрашивалъ Фрицъ.—Какъ вы совершили это чудо?

— Самымъ обыкновеннымъ образомъ, господа, я поклонился дамамъ, больше ничего!

— Поклонились? удивленно спросили оба.

— Да, смотрите сюда—вотъ такъ...

Тутъ случилось съ академиками то, что случилось въ паркѣ съ Минхенъ и Линхенъ—они отскочили.

— Что, вы привнесли въ жертву ваши кудри?

— О нѣтъ! Я надѣлъ на свои густыя кудри что-то такое, что можно было подумать, что я совершенно лысый, и прикрепилъ къ своей шляпѣ парикъ. Посмотрите.

Онъ снялъ быстрымъ движениемъ оба парика, и представль передъ ними, сияя чарующей красотой.

— Ваши дамы будутъ теперь клясться, что этотъ лѣсъ волосъ не выросъ на моей почвѣ.

Оба молодые люди хотели до упаду.

— Это, вѣдь... воскликнулъ Грицъ и продолжалъ хотѣтъ.

— Да, господа, возразилъ довольный артистъ. Это—комедія изъ жизни.

Парижскій „Улей“. (Отъ нашего корреспондента).

Въ теченіе праздничныхъ дней здѣсь необычно много спектаклей, концертовъ. Въ то же время больше разнообразія. Такъ, 21 декабря (3 января) состоялся праздникъ, устроенный дѣтьми-учениками „La Ruche“ („Улей“). Исторія „La Ruche“ слѣдующая. Въ декабрѣ 1905 года, нѣкто Sébastien Faure (теперь главный представитель „La Ruche“) съ нѣкоторыми товарищами приступилъ къ осуществлению школы,

которая была бы построена на коммунистическихъ началахъ, съ одной стороны, а съ другой, съ точекъ зрѣнія интеллектуальной и моральной, была бы согласована съ идеями кооперативныхъ обществъ французскихъ рабочихъ. Человѣкъ энергичный и предпріимчивый, Sébastien Faure достигъ осуществленія такого замысла. Своихъ денегъ было мало, пришлось занимать, собирать путемъ устройствъ лекцій, концертовъ. Въ настоящее время „La Ruche“ располагаетъ собственностью въ 50 тыс. франковъ (школа, садъ, хозяйственная постройки, инвентарь) и къ концу третьего года существованія освободится отъ долговъ. Находится она въ предмѣстіи Парижа (Rambouillet). Въ этой маленькой „коммунѣ“ 10 взрослыхъ и 24 дѣтей.

Sébastien Faure извѣстенъ здѣсь въ

Воскресенье, 6-го Января 1908 года.

ЮЖНЫЙ КРАЙ

рабочихъ кругахъ. Его знаютъ какъ лектора. Что касается его предпріятія, то, повидимому, имъ интересуются, цѣнятъ и любятъ его. Такое впечатлѣніе оставилъ большой, шумный и сочувственный, заль 3 января.

Большой заль журнала „Petit Journal“; много света, тепло, скромно и красиво. Декоративная сцена за поднятой занавѣсью... Около восьми часовъ. Собирается публика, простая, шумящая. Скромно, даже бѣдно. Лица женщинъ неправильны, красны; красивы мало. Мужчины въ котелкахъ, кожаныхъ курткахъ иногда. Руки мозолисты, грубы... Два мальчика, члены „La Ruche“, продаютъ программы, открытки, сборники пѣсенъ и пѣсъ для дѣтей... Сгорбленная старушка разноситъ въ корзинѣ бумажные „гвоздики“ и „маки“...

Около девяти часовъ. Поднимаютъ спущенный за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ занавѣсъ. Подъ аккомпанементъ рояля, мальчики и дѣвочки, съ пѣніемъ народной пѣсни, составляютъ кругъ, разбиваются на пары, маршируютъ въ тактъ шутки и пѣнія, соединяются въ одинъ хоръ, дробятся на нѣсколько группъ. Они въ сѣрыхъ курткахъ и пѣтъ, въ воротникахъ, съ большими красными галстуками-бантиками; у дѣвочекъ длинные волосы съ красными ленточками; малютки коротко острижены. На нихъ ботинки съ шнурками, короткіе чулки. Икры голыя. Очень скромно. Въ исполняемой народной пѣснѣ они поютъ „о пѣсняхъ и весельѣ ярмарочной площади“, гдѣ „въ сезонѣ сладкаго вина“ „самые старые болѣе всего безумствуютъ“, гдѣ „сообразно своему желанию выбираютъ супруга“, гдѣ въ танцахъ „стучать каблуки“. Весело кончаютъ, тѣснятся къ выходу, убѣгаютъ, смѣются. Исполняются другія народныя пѣсни или всѣми вмѣстѣ, или только дѣвочками, или лучшими голосами въ числѣ 10—12. Поютъ про „радостнаго рабочаго“, который приглашаетъ свою возлюбленную на дѣтъ „розовое платье“, чтобы „идти на лугъ танцевать“, который говоритъ, что „несчастья не будуть длиться всегда“, „не для того создано солнце, чтобы видѣть слезы“. Кончатъ, смѣшно и неловко кланяются, убѣгаютъ подъ донгрованный аккомпанементъ рояля. Зрители хлопаютъ, кричатъ, привѣтственно машутъ. И въ самомъ дѣлѣ они хорошо пѣли съ ихъ дѣтской серьезностью, трогательной и милой.

Слѣдуютъ комедіи и діалоги, написанные и выбранные для артистическихъ турнѣ „La Ruche“. Пьесы совсѣмъ дѣтскія, въ то же время идейныя, можетъ быть, правда, немного наивныя и тенденціозны, но дѣти вкладываютъ въ нихъ много сердечности и естественности... Комедія „Mademoiselle Laure“. Здѣсь ихъ школа, ихъ запущенный садъ, въ которомъ они копаютъ, сгребаютъ, садятъ, собираютъ; здѣсь ихъ сосѣдній лѣсъ, въ которомъ имъ позволено бѣгать, разорвать блузу и растрепать волосы. Въ этой комедіи осуждаются богатство, роскошь, неестественность, представленная богатой дѣвочкой, прѣѣхавшей въ школу на нѣсколько дней. Немного искусственно это, но исполнители провели комедію въ са-

Трудовая фракція въ 3-й Государственной Думѣ.

Стоятъ: Н. С. Розановъ, И. С. Пожелло, И. Л. Мерзляковъ и Г. Е. Рожковъ.
Сидѣтъ: В. И. Дзюбинскій, А. Е. Кропотовъ, А. А. Булатъ, Н. Я. Лохницкій и Ф. С. Кейнисъ.

Парижскій „Улей“.

танники „La Ruche“, которые уходятъ по-томъ въ лѣсъ. Второе явленіе—Laure и Mand, дѣвочка изъ простой семьи. Идея все та же, т. е. противоположеніе бѣдныхъ и богатыхъ. Но выражено это дѣтскими словами, дѣтской искренностью и наивностью. Дѣвочка, исполнявшая роль Mand, была действительно прекрасна. Лѣтъ 12-ти, стройная, сильная, естественная въ своей роли, съ разгорѣвшимися лицомъ, съ длинными прядями и черными волосами, съ живыми черными глазами. Въ силу роли она говорила, что ей „узко въ городѣ“, что гребешки, мно-

го юбокъ ее стѣсняютъ". Она говорила это такъ живо, такъ смѣло и такъ естественно двигаясь на стулѣ, что нельзя было не вѣрить, что ея украшенія — это "цвѣты, въ которыхъ нѣть никогда недостатка", что она любить накошенную траву изъ сада, грабли, лопату и грядки овощей. Жалко было исполнительницу роли Laure. Ей была не подъ силу роль аристократки, и она, навѣрное, тоже любить бѣгать свободно въ лѣсу и не хочетъ носить кружева... Потомъ опять изъ жизни "La Ruche", Школьники лежать и сидѣть въ лѣсу на травѣ. Идутъ игры, смѣются, одинъ изъ мальчиковъ предлагаетъ спѣть за поцѣлуй. Пѣснь эта введена въ пьесу, вѣрно, потому, что у одного мальчика сильный ровный низкій альтъ. Поетъ о "сѣятеле". "Полной горстью положи въ борозды зерно, вырасти и приготовь намъ хлѣбъ". Кончаетъ. Красиво. Хлопаютъ дѣти на сценѣ, хлопаютъ и привѣтственно машутъ въ зрительномъ залѣ. Одна изъ дѣвочекъ, неловко, за спинами другихъ, даетъ обѣщанный поцѣлуй. Идутъ съ пѣсней домой. "Будемъ пѣть, чтобы казался короче долгій путь; вотъ "La Ruche"; хорошо вернуться домой съ усталыми мускулами".

Антрактъ. Шумятъ. Идутъ въ буфетъ. Разсматриваютъ и выслушиваютъ карикатуру на Клемансо. "Артисты" въ залѣ, бѣгаютъ, суетливо предлагаютъ открытки

со сценами изъ жизни "La Ruche", или солидно выдаютъ у выхода изъ зала билеты. Они здоровые, крѣпкие, но съ грубыми чертами лица. Руки тоже "рабочія" у нихъ.)

Потомъ опять играютъ, поютъ. Кончаютъ "Пѣсней прощанія". "Время разстаться. Въ эту минуту оставимъ смѣхъ. Если мы дали вамъ увидѣть и почувствовать нашу жизнь, вы сохраните эти впечатлѣнія. Мы будемъ помнить ваши привѣты. Это будутъ тоже воспоминанія нашего дѣтства".

Картина П.И. Геллера, была выставлена въ 1907 г. на XV выставкѣ СПБ. Общества художниковъ въ Петербургѣ.

И правда, что много трогательного и красиваго въ этомъ дѣтскомъ празднике. Пѣсни, танцы, сцены ихъ школьнай жизни, а въ цѣломъ что-то необычное, зародышъ, можетъ быть, большой красоты, что то серьезно трогающее, помогающее хотѣть лучшаго.

Разныя разности.

Парижская грязь. О грязи Парижа много говорилось въ переносномъ смыслѣ, но обѣ этой грязи есть что сказать и въ буквальномъ ея значеніи.

Въ послѣдніе годы стали замѣчать, что обрызганныя на улицахъ Парижа шерстяные и шелковые платья перестали поддаваться мытью и чисткѣ; явная пятна портятъ одежду. — Франтихи сѣтуютъ на купцовъ, — купцы на фабрикантовъ, а эти — на красильщиковъ мастерій.

Въ свою очередь, и красильщики обратились на Баденскую фабрику красокъ, которая снабжаетъ своимъ товаромъ чуть не весь міръ. Фабрика серьезно отнеслась къ этому и, зная, что составъ ея красокъ и методъ окрашиванія все тотъ же, преположила, что виновата въ этомъ грязь Парижа, составъ которой, вѣроятно, измѣнился.

На анилиновой Баденской фабрикѣ красокъ работаютъ до двадцати тысячъ народа, подъ руководствомъ ста сорока дипломированныхъ химиковъ. Фабрика широко раскинулась на берегу Рейна, и лабораторіи ея занимаютъ выдающееся положеніе въ Европѣ.

Фабрика командировала въ Парижъ нѣсколько своихъ химиковъ, чтобы собрать грязь съ разныхъ улицъ. Бочки и бочонки этой грязи были распределены въ лабораторіи для химическихъ изслѣдований, причемъ оказалось, что измѣненіе грязи произошло отъ перемѣны экипажей.

На улицахъ Парижа разъѣзжаютъ 20,000 автомобилей и многое множество мотоциклетокъ, омнибусовъ

и другихъ экипажей, двигающихся нефтью, спиртомъ, бензиномъ, керосиномъ и проч. Колеса этихъ экипажей смазываются особыми химическими и механическими смѣсями. Топливо и смазка течутъ на улицахъ и съ остатками на возвоза, съ пылью макадама и другого сорта мостовыхъ, дѣйствительно, измѣнили составъ парижской грязи, которая теперь и разбирается въ лабораторіяхъ Баденской фабрики.